

зіставного аналізу. У результаті дослідження виявлено, що синонімічна компетенція відіграє істотну роль у процесі знакової трансформації. Виявлено важливість навчання синонімічної компетенції майбутніх перекладачів, визначено показники рівнів їх володіння такою компетенцією. Підкреслено, що в процесі перекладу вибір оптимального рішення багато в чому залежить від здатності перекладача швидко й точно підібрати найбільш репрезентативний мовний матеріал серед можливих варіантів перекладу. У висновках вказано шляхи вирішення питання про послідовне підвищення рівня синонімічної компетенції у процесі навчання майбутніх перекладачів. Практичне застосування результатів дослідження можливо в навчанні перекладу з рідної мови на російську в китайській аудиторії.

Ключові слова: синонімія, синонімічна компетенція, трансформація, загальномовні синоніми, контекстуальні синоніми, мова-джерело, мова перекладу.

Xia MENG,

Ph.D. in Philological Sciences, Professor, Head of Department of Russian Language of Shaanxi Normal University; South Chang'an Road, 199, Xi'an, 710062, China; e-mail: xmeng003@163.com; tel.: +86 13060426063

THE FORMATION OF THE SYNONYMIC COMPETENCE IN TRAINING TRANSLATORS FROM CHINESE INTO RUSSIAN

Summary. The *purpose* of the article is to describe the results of the teaching research of translators from Chinese into Russian. The *object* of analysis is the synonymic competence as an indicator of the level of translation competence of the future translators. The *subject* of research is the issues of forming a synonymic competence as an indicator of the level of translation competence, which is performed at the language level as well at the speech level. The descriptive *method* and the method of comparative analysis were used in the article. The *result* of the study has showed that the synonymic competence plays a significant role in the process of sign transformation and stresses the importance of a good command of synonyms which is an indicator of the level of translation competence in the process of future translators training. It is stressed that in the process of translation, the selection of an optimal solution depends largely on the ability of the translator to quickly and accurately select the most representative language material among the interim options. The ways of solving the problem of increasing the synonymic competence are presented in the article. The *practical application* of the results consists in facilitating the training process of translators from their native language into Russian in the Chinese audience.

Key words: synonymy, synonymic competence, transformation, common language synonyms, contextual synonyms, source language, target language.

Статтю отримано 10.10.2015 р.

УДК 811.512.16'04'38'42:347.97(1-924.71)«16+17»

РУСТЕМОВ Олег Дияверович,

кандидат филологических наук, доцент факультета социальных и гуманитарных наук Ардаханского университета; Кампус Енисей, курорт Чамлычатак, г. Ардахан, 75000, Турция [Insani Bilimler ve Edebiyat Fakültesi, Ardahan Universitesi; Yenisey Kampüsü, Çamlıçatak Mevkii, Ardahan, 75000, Türkiye]; тел.: +9 (0553) 1821607; e-mail: biblos@ukr.net

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА СУДЕБНЫХ КНИГ КРЫМСКОГО ХАНСТВА XVII–XVIII вв.

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения и перевода памятников крымскотатарской письменности XVII–XVIII вв. — судебных книг Бахчисарая, Карасубазара и ряда других округов Крымского Ханства. Подробным образом представлена история обнаружения и исследования указанных документов, первых попыток прочтения и перевода этих книг. Внимание сосредоточено на не изученных ранее языковых особенностях крымских судебных реестров того времени. Уточняются некоторые аспекты проблем, связанных с рядом неточностей и недоработок, допущенных в предыдущих исследованиях указанных рукописей. Одной из центральных проблем лингвистического изучения сборников крымских судебных решений является проблема идентификации и описания языка древних текстов. В данной статье представлены результаты некоторых наблюдений автора, которые определяют общее направление филологических исследований памятников делового письма Крыма эпохи Ханства, поставлены задачи дальнейшего их изучения.

Ключевые слова: судебные книги XVII–XVIII вв., крымскотатарский язык, перевод, сиджиль, официально-деловой стиль, Крымское Ханство, Шариат, кадискер.

На фоне общей слабой изученности истории тюркских языков, отсутствия чёткой картины преемственности от древних письменных памятников к тюркским языкам нового и новейшего времени крымскотатарский язык, несмотря на исторически видимый долгий путь своего развития, является наименее исследованным из всех старописьменных тюркских языков. За исключением некоторых обзорных трудов по грамматике крымскотатарского языка (Б. Чобан-заде, Н. А. Гаркавец, Э. В. Севортян, С. И. Изидинова, К. М. Мусаев) и немногочисленных попыток рассмотрения отдельных уровней его системы (А. М. Меметов, Э. Ш. Меметова, О. Д. Рустемов), он до сих пор находится за пределами активного внимания современной тюркологии.

Сегодня нет детального типологического описания языка крымских тюрок, не прослежена история развития письменной художественной и деловой речи, исторической и функциональной стилистики, отсутствует диалектная карта в синхронии отдельных периодов, как и не описаны явления тектонических процессов в языковой среде, связанных со сменами языковых традиций, и повлиявших на языковую ситуацию в соответствующие эпохи. До сих пор недостаточно проанализированы и нечётко описаны субстратные явления при существовавшей оппозиции огузские — кыпчакские языки, не изучена в полной мере природа и источники эклектичности крымского языка, в известной степени отходящего от традиций золотоордынского «Тюркй» и не во всём соответствующего в этом смысле понятию «татарского языка». Здесь необходимо также напомнить о взаимодействии крымскотатарского языка с языками некоторых этнических групп нетюркского происхождения: языками понтийских греков (урум), аланов, готов, крымских армян, итальянцев (генуэзцев, живших в торговых факториях и городе Кефе / Каффа).

Крымскотатарский язык, в отличие от многих других тюркских языков, не является гомогенным. В его формировании приняли участие древний западно-кыпчакский (кумано-половецкий), старый сельджукский и впоследствии новый османский языки, а также золотоордынский (татарский) язык, опирающийся на старый восточно-кыпчакский язык. Ещё раньше Крым и прилегающие территории входили в зону функционирования древне-печенежского и хазарского, древне-аварского и некоторых других тюркских реликтовых языков. Поэтому, на наш взгляд, изучение диалектного многообразия крымскотатарского языка, истории развития его лексического состава, синтаксических конструкций и стилистики поможет воспроецировать недостающие фрагменты истории и взаимодействия тюркских языков, на что указывал Н. А. Баскаков, установить этапы развития тюркского синтаксиса, проблемы изучения которого были описаны в монографии Н. З. Гаджиевой и Б. А. Серебренникова «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис».

Недостаточная изученность крымскотатарского языка объясняется двумя причинами: 1) претом со стороны советского правительства на всякое исследование истории, языка, литературы и культуры крымских тюрок, существовавшим долгое время после акта геноцида в отношении крымскотатарского народа, заключавшегося в его насильственной депортации и уничтожении остатков материальной культуры; 2) недостаточной изученностью небольшого количества сохранившегося рукописного наследия на крымскотатарском языке. Следовательно, такие памятники крымскотатарской письменности, как судебные реестры крымских кадылыков («каза» — судебные округа) представляют собой большую ценность с точки зрения истории и языкознания, ибо являются свидетельствами делового письменного языка XVII–XVIII веков. В этих рукописях, в силу особенностей их жанра, имеются также многочисленные образцы разговорной речи указанного периода. Это обуславливает необходимость скорейшего прочтения, транслитерации и перевода этих документов с комментариями и словарём для возможности введения их в научный оборот.

Запись фабулы и регистрация — сиджилъ¹ — решений судов Шариата в особых книгах или сборниках — сакках² — восходит в мусульманской традиции ко временам пророка Мухаммеда (С. А. С.)³. В результате экспансии Ислама на новые сопредельные территории арабская система правосудия вместе с судебным делопроизводством была без изменений внедрена также в тюркских государствах Передней Азии и Анатолии: Сефевиды, Зангиды, Каракоюнлу, Аккоюнлу, Сельджуки и, наконец, Османская Империя и Крымское Ханство.

Согласно турецким источникам, юридическая канцелярия в указанный период велась на арабском языке [30]. Это затрудняло как самую судебную процедуру, так и ведение соответствующей документации, ибо требовало от кадиев, секретарей суда — кятибов — и от самих участников тяжбы либо их представителей — векилей — профессионального владения арабским языком. Однако уже к концу XVI века в Турции сиджили стали вестись на условно тюркском

¹ Сиджилъ (осм. из араб. «sicil» — «سجل») — досье, регистрационная запись, реестр. Sicil kesmek — вынести приговор.

² Сакк (осм. из араб. «saqq»: «suquq», «siqaq», (мн.) «esqaq») — книга, свод, сборник документов; свидетельство, удостоверение.

³ Саллаллаху алейхи ве селем — «да пребудет над ним мир и прощение».

языке — османском. И хотя османский во многом был арабизированным языком, всё же тюркских слов в нём много.

Что касается крымских сборников, то на сегодняшний день, как и сто пятьдесят лет назад, в момент их обнаружения, мы имеем только записи, датированные началом XVII века и серединой XVIII. Подобно турецким сиджиям, крымские судебные книги в течение ста лет эволюционировали в области графики, каллиграфии, порядка записи. На более раннем этапе присутствовало смешение различных стилей письма: от *Дивани* до *Рик'а*. Каждый кятиб уль-хуруф (писарь-секретарь) использовал свой стиль, особенность каллиграфии; даже написание ряда тюркских слов арабскими буквами иногда было разным. В более поздний период, к концу XVII в., наблюдается относительная чёткость и однообразие в почерке и грамматике, а из стилей окончательно утвердилось скоропись того времени — *Рик'а*. Кроме того, претерпели изменение терминология, стиль и синтаксис документов, демонстрируя собой развитие письменной официально-деловой речи и уход от разговорного стиля, который присутствовал в записях изначально.

В документах этой эпохи содержатся как судебные решения, так и постановления, ярлыки ханов или бераты османских султанов. Сегодня их принято называть *кадиаскерскими дефтерами* или же просто *кадиаскерскими книгами*. Именно так их называли в конце XIX века первые открыватели и исследователи этих любопытных записей Фёдор Лашков и Мурад Биярсланов.

Мурад Биярсланов стал первым переводчиком этих документов. На протяжении трёх выпусков сборника «Известия Таврической учёной архивной комиссии» (ИТУАК) в 1889–1891 гг. им публиковались отдельные записи (всего 12 записей) в переводе на русский язык [2]. В конце последнего тома, в котором были напечатаны переводы, Биярсланов даёт короткую справку о содержании книг, типах документов и лексике некоторых из них, например, документа, известного как «кысмет-и меварис» — раздел наследства.

Фёдор Лашков, называя памятники, о которых идёт речь, *кадиаскерскими дефтерами*, говорит также о том, что в каждом томе присутствует автограф того кадиаскера, который этот том вёл. Например, в первом томе на странице 12 два текста начинаются такой преамбулой: *верно, что сие в моем присутствии Мехмеда бин Махмуда, ничтожного раба моего Падишаха, было рассмотрено, записано и зарегистрировано во время моей высокой службы кадиаскера и главы всех кадиев* [6, т. 1, с. 91/87, левый разворот, текст 1, 2]. На странице 24 находим два высочайших ярлыка, написанных Селямет Гирей ханом двум сторонам конфликта по поводу налога на овец с повелением кадиаскеру эти ярлыки переписать и зафиксировать в книге [6, т. 1, с. 83/81, правый разворот, текст 1, 2].

Со своей стороны, нам представляется несколько спорным утверждение о том, что памятники, о которых идёт речь, именно кадиаскерские дефтеры, а не просто реестры судебных решений суда Шариата, в которых содержатся в том числе и решения, принятые кадиаскером, или в его присутствии. Тем более, что кадиаскер был в Крымском Ханстве в единственном лице, а материалы, собранные в отдельные книги, относятся не только к бахчисарайскому кадылыку. Там также есть книги и карасубазарского кадылыка, и ряда других [подробнее см.: 28]. В сущности, кадиаскер — чиновник довольно высокого ранга. Эта должность была трансформирована из должности военного судьи. Собственно, *казаскер* (*кадиаскер* / *ركسعيضاق*) — термин арабского происхождения, который буквально переводится «военный судья». Должность была впервые введена Халифом Омаром для разбирательства различных споров в мусульманской армии во время боевых действий в Сирии [26].

Заседания суда Шариата в мирное время с участием кадиаскера происходило в ханском зале собраний (диван), во дворце. Нередко там присутствовал сам хан или принцы, о чём могут свидетельствовать, например, такие записи:

Супруга покойного Хаджи Муселли Аги — Джиханшах бинти Жантемир Ага, представ перед Собранием Суда Шариата, в присутствии Его Величества Справедливого Хана прямо и искренне (заявила): «Открыв без ведома сына денежный сундучок покойного, я нашла там только двадцать восемь флоринов, а кроме этого, ничего более». Эти её слова были записаны и зарегистрированы по требованию сына покойного Омера и его попечителя Реджеб бека. 23-го дня месяца Зильседже Высокого, года 1018.

[6, т. 1, с. 78/75, левый разворот, текст 4]

(Здесь и далее переводы Олега Рустемова).

В представленном тексте существует прямое указание на присутствие хана в собрании Суда Шариата. Содержание текста определённо подразумевает присутствие на разбирательстве данного дела кадиаскера. Во-первых, потому что заседание также проходит в помещении ханского дивана, а во-вторых, речь в нём идёт об убийстве и возможности последующего решения суда о смертной казни — кысасе. Вполне вероятно, что первоначальное слушание о данном убийстве уже имело место, так как к заседанию было привлечено довольно большое количество участников. Об этом свидетельствует тот факт, что дело завершается выражением воли жителей деревни, из которой родом подозреваемый убийца. Благодаря этому общественному

волеизъявлению, когда единогласно выражают мнение не менее пятидесяти человек одновременно (джеми'ан касаме), подсудимый был оправдан без дальнейшей возможности обжалования со стороны истцов. Согласно Шариату, подобное общественное мнение являлось последним и непроверяемым аргументом, как в смысле оправдания преступника, так и его осуждения. Так как дело уже слушалось, то можно предположить, что первоначальный вердикт был за осуждение обвиняемого, т. е. кысас. В этом случае жители деревни, откуда происходил убийца, должны были выплатить семье убитого определённую пеню — «диет». Само же решение о кысасе утвердить окончательно мог лишь кадиаскер, как, впрочем, и отменить его. В этом случае кадиаскер выполнял функцию кассационного суда в последней инстанции.

На заседании Высочайшего Дивана у порога Счастья Его Величества Хана жители деревни Чёкбийим из числа наследников убиенного Хусейна бин Айяза: его брат, от общих отца и матери происходящий, Джанмолла бин Айяз, а также мать его — Бавбике бинти Эшболду, и жена его — Айше бинти Джулай, призвав к ответу на Высокий Суд Шариата Мевлюда бин Али, сообщили, что этот самый (человек) без причины ударил ножом убиенного Хусейна и убил его. На это у нас имеются свидетели. Пусть он будет опрошен по Шариату. Требуем крови его, и пени за кровь (diyey). Как закончили они, опрошен был непосредственно упомянутый Мевлюд, который отрицал, что это был он. Тогда вышли Ибрахим Суфи ибни Юнус из села Кыпчак и Девлетверди ибни Агамбай из деревни Сюйюнци, которые в присутствии убийцы — Мевлюда — стали свидетельствовать: «Это он ударил ножом Хусейна». Он говорил и признавался: «Если умрёт, пусть на мне это будет. Тому мы свидетели и свидетельства свои приносим». После слов их некто двое по имени Аллахверди Эфенди ибни Аллахкулы и Абдульгани Эфенди ибни Хаджи Гёзлеви, убедившись в подлинности и правдивости слов упомянутых свидетелей, приняли их свидетельства как верные и вынесли решение о кысасе (кысас — смертная казнь). Однако жители указанной деревни принесли клятву («сетим'ан қасаме») в том, что Мевлюд невиновен. На этом основании был вынесен оправдательный приговор, который избавил Мевлюда от платы за кровь и прочих исков, связанных с этим убийством. Зарегистрировано 17-го дня месяца Шаабана, года 1018-го (1609).

Присутствующие свидетели: Халиль Ага Баби-Саадет (Халиль — старший офицер дворцовой стражи — капы кулу), Казначей, Мехмед Шах Ага, Сейид Ага бин Мюслих Эфенди, Али Гази бек бин Муселли Аталык (наставник), Муртаза Эфенди эль-кятиб (секретарь, писарь), Танмехмед Дивани, Имруллах улан ибни Акчы улан и Мустафа мирза бин Байсав Эльхадж. [6, т. 1, с. 81/79, левый разворот, текст 5]

В следующей регистрационной записи речь идёт о смене собственника на зиамет¹. В Крымском Ханстве системы зиаметов не было. Но зиамет, о котором идёт речь в тексте, находится на территории Османской Империи, в континентальной Греции, недалеко от Салоник. Содержание этого сиджия свидетельствует, помимо всего прочего, о том, что крымские аристократы и вельможи служили непосредственно в османской армии. Дело слушалось также на заседании Дивана, о чём сообщает приписка в начале основного текста. Кроме того, в качестве присутствующих свидетелей этого дела выступают знатные люди, что само по себе подразумевает присутствие кадиаскера.

На заседании Высочайшего Дивана Его Счастья Великого Хана.

Достославный и вельможный Эш Мехмед Ага бин Каракёз Эльхадж представ пред Собранием Суда Шариата в присутствии Его Чести Могущественного Сефер Гази бека ибни Дервиш бека, давая показания, сообщил: «Вблизи деревни Тумья, что в окрестностях Салоник², был зиамет на двадцать тысяч акче» [имеется в виду земельная собственность и уплачиваемый с неё налог — уир / 1/10 часть дохода, который был равен 20000 акче]. «Желая увеличить сбор с него, в 1015-ом году был написан новый Высочайший Берат (постановление Султана), о том, что этот зиамет теперь будет (приносить доход) в тридцать пять тысяч акче. Вместе с прежними владельцами упомянутого зиамета отправились мы к Порогу Счастью (к султану), где после изучения (прошения) права на использование упомянутого зиамета прежними владельцами (в тексте: противной стороной) были оставлены и утрачены, о чём они получили ясное известие. Мы же, со своей стороны, приняли на себя обязательства заплатить им в качестве компенсации семьсот флоринов. Да будет известно, что после уплаты никто более не может претендовать на право владения упомянутым зиаметом. Имею намерение зарегистрировать это». В ответ присутствующий Сефер Гази бек полностью подтвердил упомянутые показания означенного Эш Мехмеда, что

¹ Зиамет — земельное владение офицера османской регулярной армии, земельный пай, который получал сипах (офицер османской регулярной армии) за службу. Доход с зиамета мог составлять от 20000 до 100000 акче. На каждые 5000 акче дохода сипах должен был по призыву султана снарядить конного воина — джебелю. При этом он сам также должен был выступить в поход.

² Салоники — город в Греции на северном побережье Эгейского моря.

и было немедленно зарегистрировано. Записано 15-дня месяца Шаабана-Муаззана (Шаабана Великого), года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Халиль Ага Баби-Саадет (Старший офицер дворцовой стражи — каты кулу), Деде Челеби Эфенди эль-кятиб (секретарь, писарь), Ахмед Паша бек бин Салыш бек, Мевлюд Ага бин Абдуллах, Азак бек эль-мюэззин, Бей Тимур бек, Имруллах улан ибни Акчы улан, Али Гази бек ибни Ахави Суфи Халифе.

[6, т. 1, с. 81/79, левый разворот, текст 3]

Нижеприведённый сиджилъ также подразумевает присутствие кадиаскера на заседании суда, так как истец, в данном случае управляющий вакфом¹, судится с представителем власти по поводу самого вакфа. В случае, когда у умершего не было наследников, имущество его отходило «для пользы всех мусульман», т. е. государству. Чиновник (как правило, дефтердар) изучал обстоятельства дела и описывал имущество, после чего оно переходило казне. Однако покойница ещё при жизни успела сделать распоряжение о передаче своего сада и дома в вакф для мечети местной общины. Человек, которого она назначила управляющим, судится с государственным чиновником о том, что наследство покойной полностью принадлежит мечети и не может быть отчуждённым казне.

Назначенный управляющим вакуфным имуществом, которое передала в дар скончавшаяся в текущем месяце Зилькааде, хатун (женщина, госпожа) по имени Дуже бинти Абдуллах из джемаата Хаджи Гельды Монла, что вблизи деревни Улуг Кёй, Исмаил Суфи ибни Сати, также житель упомянутого джемаата, в Высоком Собрании (заявил): у упомянутой нами покойной был сад, чьи границы мы сообщим далее. Но по причине того, что у нее не было законных наследников, этот сад решено было изъять в общественное пользование мусульман (то есть он должен перейти к государству. — О. Р.). И вызвав на тяжбу со стороны государства (хакана) ханского казначея (дефтердара) Ильхас Агу ибни Кабназари, в присутствии его дал (он) такие показания: «Сад, о котором идёт речь, находится в устье реки Альма. С юга (кыблы) он выходит к тропе, с востока — к гёзлевской² дороге, а с запада он граничит с садом Монлабая. Этот сад на Альме упоминаемая нами Дуже, будучи при жизни и в здравом рассудке, передала в вакуф во имя Аллаха с таким условием: в упомянутом ранее джемаате Хаджи Гельды выстроена мечеть. И кто бы ни был там имамом, дарение предназначается ему с тем, чтобы он в течение года дважды поминал меня чтением Корана во имя Господа, дабы нисходила благодать (саваб) духу моему. А если у мечети возникнет необходимость, то по желанию моему и строение (дом) вместе со всеми (постройками) я отдаю в законный вакуф и завещаю. И назначив при этом меня мутевелли (управляющим) вакфом, передала мне всё указанное имущество. И теперь всё это является законным вакфом. Пусть он будет опрошен». И когда указанному Ильхас Аге задали вопрос, то он отрицал передачу (имущества) в вакф. Тогда у упомянутого управляющего истребованы были доводы и доказательства в пользу своего иска. На что из числа справедливых вышли Абдурахман Халифе ибни Мухаммед Хафыз и Мустафа бин Ходжамберды, которые по сути вакфа и условий его, а также касательно пояснений упомянутого Исмаила Суфи и, в целом, относительно всего его иска, принесли свои одобрительные свидетельства согласно Шариату. После удостоверения сих свидетельств были приняты они как верные, и было вынесено решение (хукм) о полностью законном вакфе и условиях его передачи. В соответствии с событием зарегистрировано в сиджилъ. Записано пятнадцатого дня месяца Зилькааде, года 1018 (1610).

Присутствующие свидетели: Сеййид Гази Ага ибни Муселля (совершенный) Аталык (наставник, государственный чиновник) Хазинедар Башы (Заведующий казной), Али Гази бек ибни Муселля Аталык Мир Ахур (распорядитель скотных дворов), Абди Эфенди ибни Мустафа, Токтар Хафыз ибни Шаабан Хафыз, Али Ага ибни Хызыр Ага, Сафиш бин Токтамыш, Шейхи бин Силыхдар би-Хани (ханский оружейник) и другие находящиеся в присутствии. [6, т. 1, с. 79/76, левый разворот, текст 1]

Записей, составленных в присутствии кадиаскера, довольно много. Однако гораздо больше исков более простых, обыденных, фигурантами которых являются обыкновенные люди, а иногда даже и невольники или зимми — христиане или иудеи, живущие в мусульманской стране,

¹ Вакуф — (вакф, араб. وقف, множ. араб. أوقاف) аукаф; тур. vakıf: остановка, приостановление, удержание) в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. Вакфом могли стать земля, дом, строение, сад, баня, лавки — дуканы, фонтаны и пр. Все, что могло приносить доход. Доход, как правило, шёл на содержание духовной общины какого-либо монастыря (теккие, азиз) или служителей мечети (джами). На управление вакфа назначался специальный управляющий (мутевелли), который также получал свой отдельно оговоренный доход. Следует различать такую разновидность вакфа как вакф-ы эвлядие — «вакф на детей» или наследственный вакф. В этом случае собственность переходила какому-то одному ребёнку или всем детям и не могла более фиксировать в качестве доли наследства между родственниками (О. Р.).

² Гёзлев — город, порт и крепость на западном побережье Крыма. Переименован в Евпаторию.

в данном случае — в Крымском Ханстве. Конечно, можно предположить, что подобные иски рассматривались заместителем кадиаскера — его наибом. Тем не менее, в отношении названия сборника судебных документов — «кадиаскерские тетради» — для нас остаётся нерешённым вопрос о сборниках подобных дел из других кадылыков, помимо бахчисарайского. Впрочем, сам Фёдор Лашков замечает, что только 100 томов из 124-х — из Бахчисарайского кадылыка, остальные же 24 — из Гёзлевского, Карасубазарского и Чонгарского [8, т. 21].

Другой, более очевидной неточностью явилось утверждение Лашкова о том, что эти судебные записи являются поземельными актами. Собственно, они так и названы на обложке первого тома. Так же Фёдор Лашков называл эти сборники в своём труде «Очерки крымскотатарского землевладения», где представил систему землевладения крымских татар в эпоху ханства, во многом черпая материал всё из тех же сиджилий [8].

На эту неточность в своё время обратил внимание крымский филолог, профессор Бекир Чобан-заде в заметке 1925 года [23]. Чобан-заде можно назвать следующим после Лашкова и Биярсланова исследователем крымских сиджилий, хотя к этому моменту судебные реестры уже были перевезены в Ленинград (Санкт-Петербург), в библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ). Собственно, там профессор их и обнаружил. В своей статье Чобан-заде приводит некоторые примеры сиджилий, правда, без перевода, но выступая как копиист, переписывая четыре прочтённых им документа. В своей работе исследователь рассуждает о неоспоримой исторической и филологической ценности этих сборников, в чём с ним мы абсолютно солидарны. Попутно он исправляет ошибку, допущенную первыми читателями и комментаторами крымских сборников, заявлявших, что тексты написаны на арабском языке. Чобан-заде пишет: «Язык памятников не арабский, а скорее османский» [23, с. 15]. Но как нам представляется, язык этих документов даже не столько османский, сколько сельджукский, сопоставимый с южно-азербайджанским языком той эпохи. Подобное заявление мы делаем в результате наблюдений над тюркской лексикой сиджилий и изучения их грамматических особенностей. Примером может служить употребление в текстах аффикса моментального действия *-джакъ*, *-джек*, характерного для огузско-тюркского наречия: *итджек*, *олджакъ*, *вирджек* и под., то есть «сразу, как только он сделал», «как только это случилось», «сразу, как только он дал».

После Чобан-заде долгое время никто не обращался к крымским сиджилям и не пытался переводить или исследовать эти памятники. О них совершенно забыли вплоть до девяностых годов XX в. Благодаря случайности были обнаружены фотокопии судебных сборников в симферопольском городском архиве, куда они попали из ялтинского музея в 1944 году, уже после депортации крымских татар и поступления директивы об уничтожении всех следов крымскотатарской культуры [4]. В 1992 г. эти документы были переданы открывшейся тогда библиотеке имени И. Гаспринского. В 1994 г. их исследовал профессор Халиль Инальджи и опубликовал обширную заметку, посвящённую истории открытия крымских сиджилий и общему содержанию сборников. Там же автор привёл переписанные с оригинальных текстов копии 19 документов, снабдив некоторые из них описательным переводом и комментариями [4]. Следует отметить, что автор в своей статье называет упоминаемые документы не кадиаскерскими, а кадийскими книгами — *kadi sicilleri*, то есть судебными, что лишний раз подтверждает наше мнение о том, что не все документы составлялись при участии кадиаскера или его наиба. Серию статей посвятил крымским сиджилям турецкий учёный Незихи Туран. Как и предыдущие авторы, он высоко оценивал их содержательную сторону и отмечал разнообразные исторические и юридические нюансы этих документов [29]. В Турции было опубликовано ещё несколько работ, касавшихся тех или иных аспектов крымских судебных документов. Например, Нури Кавак рассматривает в своём труде упоминаемые в крымских актах виды чрезвычайных налогов — «*avariz*», — собираемых в связи с каким-либо бедствием или войной, и вакуфные пожертвования [27]. Авторы ещё одной, совместно написанной статьи, Фехми Йылмаз и Ахмет Джихан, представляют общий обзор памятников в сравнении с подобными документами, написанными непосредственно на территории Турции [24].

На основе материалов анализируемых памятников в свет вышли две книги турецких авторов, посвящённые социальным аспектам жизни крымских татар в соответствующее дате создания документов время. Первая из этих книг — книга Зейнеп Озьдем (*Zeuner Özdem*), которая подробно описывает социально-экономическую жизнь Карасубазара (ныне Белогорск). К слову сказать, четыре тома из сохранившихся шестидесяти одного тома копий крымских судебных книг как раз относятся к карасубазарскому кадылыку [28]. Социально-экономической и административной жизни Крымского ханства посвятил свою монографию, написанную на основе анализируемых нами сиджилий, Омер Быйык. Правда, география описания у него шире, а представленный исторический материал разнообразней, чем у предыдущего автора. В переводе на русский язык книга называется «Административная и социально-экономическая история Крыма» [22].

Однако ни один из вышеперечисленных авторов не касается и не исследует крымские судебные акты XVII–XVIII веков с филологической точки зрения, несмотря на богатейший и ценнейший материал, представленный в них. Этот пробел постарался восполнить автор настоящей

статьи, опубликовав ряд работ в России и Украине. Сюда относятся вопросы стиля и терминологии, приёмы и способы описания людей или создания словесных портретов, структуры различных документов, таких как «и'лам» или «хукм», раздел наследства — «кысмет-и меварис» и т. п. [13; 14; 15; 16; 17].

В настоящее время нерешённой представляется проблема уточнения и определения диалектной языковой базы крымских судебных реестров. Во-первых, язык памятников неоднороден: на фоне подавляющего большинства огузо-язычных встречаются татарские тексты или вкрапления татарского языка золотоордынской эпохи; во-вторых, в связи с этим возникает необходимость построения более чёткой и уверенной диспозиции языка крымских рукописных памятников по отношению к османскому языку в синхронии эпохи их создания. Довольно поверхностно исследована топонимия крымских юридических текстов, термины, определяющие меры веса и площади, наименования денег, описания пространственного местоположения объектов недвижимости. Отдельного изучения, на наш взгляд, заслуживает номенклатура и терминология должностей чиновников, названия ремёсел, терминов социальной принадлежности, названий различных торговых операций, договоров и всего, что имеет отношение к юридической стороне языка сиджелей. Решение этих вопросов поможет полней пролить свет на историю и быт крымских татар, на историю становления официально-делового стиля тюркского языка Крыма.

Литература

1. Баскаков Н. А. Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация / Николай Баскаков. — Ашхабад : Ылым, 1988. — 138 с.
2. Биярсланов М. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9–1613 г. хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического Губернского Правления / М. Биярсланов // Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК). — Симферополь : Типогр. Таврич. губерн. правления, 1889–1891. — № № 8; 9; 10.
3. Гаркавец А. Н. Тюркские языки на Украине (развитие структуры) / А. Н. Гаркавец. — Киев : Наук. думка, 1988. — 176 с.
4. Иналъджик Г. Знахідка судових книг Кримського Ханату (1618–1750) / Галіль Іналъджик // Марра Мунді : збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. — Львів–Київ–Нью-Йорк : Вид-во М. П. Коць, 1996. — С. 308–330.
5. Изидинова С. И. Крымскотатарский язык / С. И. Изидинова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Сов. энциклопедия, 1990. — С. 246–247.
6. Копии крымских судебных реестров, хранящихся в библиотеке имени Гаспринского в Симферополе. — Архивный фонд : 67 А90.
7. Лашков Ф. Ф. Камеральное описание Крыма. — 2-ое изд. / Ф. Ф. Лашков // Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК). — Симферополь : Типография Таврического губернского правления, 1887–1889. — № № 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8.
8. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк Крымско-татарского землевладения / Ф. Ф. Лашков // Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК). — Симферополь : Типография Таврического губернского правления, 1894–1897. — № № 21; 22; 23; 24; 25.
9. Меметов А. М. Лексикология крымскотатарского языка : учеб. пособие / А. М. Меметов. — Симферополь : Крымучпедгиз, 2000. — 228 с.
10. Меметов А. М. Источники формирования лексики крымскотатарского языка / А. М. Меметов. — Ташкент : Фан, 1988. — 110 с.
11. Меметова Э. Ш. Кырымтатар тилининъ услубиети / Э. Ш. Меметова. — Симферополь : Крымучпедгиз, 2001. — 144 с.
12. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительно-историческом освещении. Западнокыпчакская группа / К. М. Мусаев. — М. : Наука, 1975. — 357 с.
13. Рустемов О. Д. Внутренняя стилистика бахчисарайских сиджелей / О. Д. Рустемов // Сходознавство / НАН України; Ін-т Сходознавства ім. А. Ю. Крымського. — К., 2013. — № 64. — С. 108–116.
14. Рустемов О. Д. Источники по изучению становления официально-делового стиля крымскотатарского языка эпохи Крымского Ханства / О. Д. Рустемов // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. — Симферополь, 2013. — Т. 26 (65). — № 2. — С. 232–238.
15. Рустемов О. Д. Крымские сиджили XVII–XVIII в.в. : жанровая структура юридического документа «хукм» / О. Д. Рустемов // Вестник СПбГУ. — Сер. 13 : Востоковедение. Африканистика. — СПб., 2015. — Вып. 1 (март). — С. 55–63.
16. Рустемов О. Д. Словесные портреты и описания людей в крымских судебных книгах XVII–XVIII в.в. / О. Д. Рустемов // Золотоордынское обозрение : научный журнал. — Казань, 2015. — № 2. — С. 37–42.
17. Рустемов О. Д. Языковые параллели русского и крымскотатарского делового письма в юридических документах XVI–XVII в.в. / О. Д. Рустемов // Восток. Oriens / РАН; Ин-т Востоковедения. — СПб., 2015. — № 4. — С. 168–175.
18. Севортян Э. В. Крымско-татарский язык / Э. В. Севортян // Языки народов СССР : в 5 т. — М. : Наука, 1966. — Т. 2. — С. 234–259.
19. Туран А. Н. Судебные реестры Крымского Ханства (после их обнаружения) / Ахмет Незихи Туран // Культура народов Причерноморья. — Симферополь, 2002. — № 30. — С. 90–93.
20. Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI в.в. / М. А. Усманов. — Казань : Изд-во КазГУ, 1979. — 317 с.

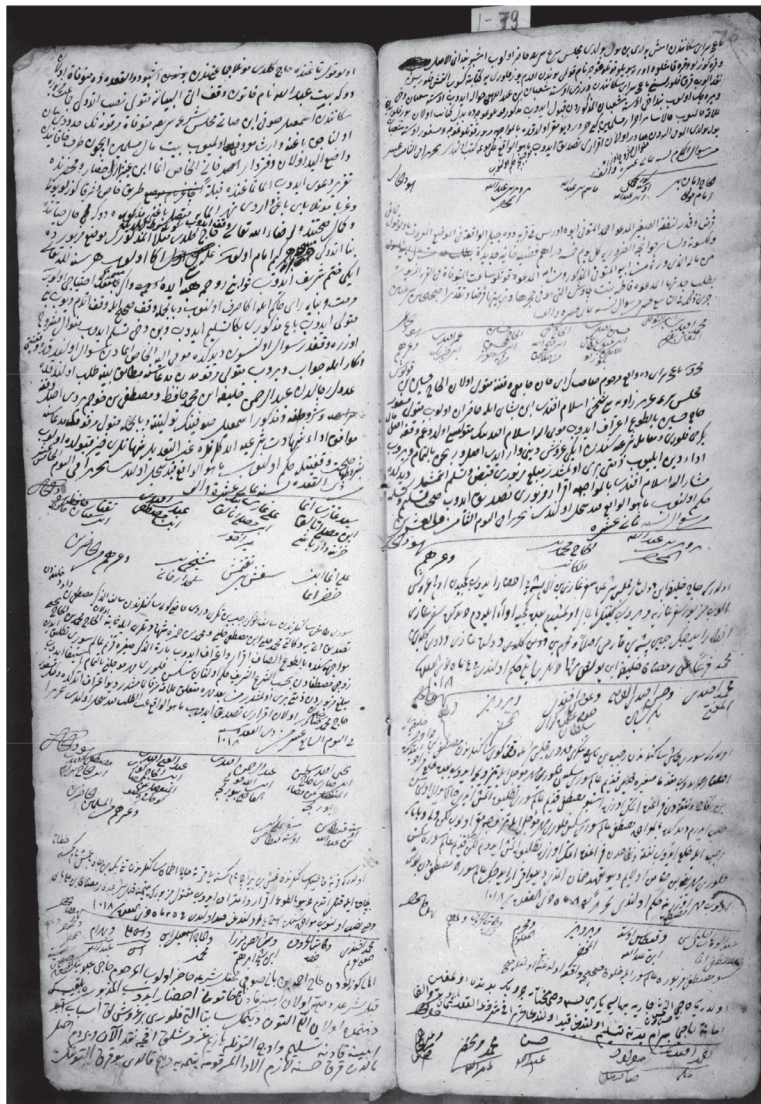
21. Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы : Научная грамматика крымскотатарского языка. Транслитерация с арабской графики издания 1925 г. / Бекир Чобан-заде. — Симферополь : Доля, 2003. — 240 с.
22. Быык Ö. Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi / Ömer Bıyık. — İstanbul : Ötügen Neşriyat, 2014. — 300 s.
23. Çobanzade B. Leningratta Qırım hatireleri : Oquv işleri (وقوا عرلشيد) / Bekir Çobanzade // İctimai-siyasiy ve terbiyevi aylıq jurnal. Qırım Maarif Qomissarlığı neşiri. Bağçasaray Hüner ve Sanayî Mektebi basmahanesi. Ağustos-Sentyabr, 1925. — Numara 4–5. — S. 14–19.
24. Cihan A. Kırım Kadı Sicilleri / Ahmet Cihan, Fehmi Yılmaz // İslam Araştırmaları dergisi. — Üsküdar, 2004. — Sayı 11. — S. 131–176.
25. Demir Abdullah. Türk Hukuk Tarihi / Abdullah Demir. — İstanbul : Yitik Hazine Yayınları, 2011. — 256 s.
26. İpşirli M. Kazasker / Mehmet İpşirli // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Araştırmaları (TDVİA). — Ankara, 2002. — Cilt 25. — S. 140–143.
27. Kavak N. Kırım Hanlığı Şer'iyye Sicillerinde Yer alan Avariz ve Para Vakıfları Üzerine / Nuri Kavak // Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — № 10 (1). — S. 273–287.
28. Özdem Z. Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. yüzyıl sonlardan 18. yüzyıl ortalarına kadar) / Zeynep Özdem. — Ankara, 2010. — 197 s.
29. Turan A. N. Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar / Ahmet Nezih Turan // Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi. — İstanbul, 2003. — № 9 (Güz). — S. 1–16.
30. Ügüz M. 'Hüccet' / Mustafa Ügüz, Ahmet Akgündüz // İslâm Ansiklopedisi. — Üsküdar : İSAM. — Cilt 18. — S. 446–450.

References

1. Baskakov N. A. Oчерки istorii funkcional'nogo razvitiya tiurkskih jazykov i ih klassifikacija / Nikolaj Baskakov. — Ashhabad : Ylym, 1988. — 138 s.
2. Bijarslanov M. Vypisi iz kadiaskerskogo sakka (knigi) 1017–1022 hidzhry (1608/9–1613 g. hr. let.), hraniashhegosia v arhive Tavricheskogo Gubernskogo Pravlenija / M. Bijarslanov // Izvestija Tavricheskoy uchionoj arhivnoj komissii (ITUAK). — Simferopol' : Tipogr. Tavrich. gubern. pravlenija, 1889–1891. — № № 8; 9; 10.
3. Garkavec A. N. Tiurkskie jazyki na Ukraine (razvitie struktury) / A. N. Garkavec. — Kiev : Nauk. dumka, 1988. — 176 s.
4. Inal'dzhik G. Znahidka sudovyh knyh Kryms'kogo Khanatu (1618–1750) / Galil' Inal'dzhik // Mappa Mundi : zbirnyk naukovykh prac' na poshanu Jaroslava Dashkevycha z nagody jogo 70-richchia. — L'viv-Kiiv-N'ju-Jork : Vyd-vo M. P. Koc', 1996. — S. 308–330.
5. Izidinova S. I. Krymskotatarskij jazyk / S. I. Izidinova // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. — M. : Sov. enciklopedija, 1990. — S. 246–247.
6. Kopii krymskih sudebnyh reestrov, hraniashhihsja v biblioteke imeni Gasprinskogo v Simferopole. — Arhivnyj fond : 67 A90.
7. Lashkov F. F. Kameral'noe opisanie Kryma. — 2-oe izd. / F. F. Lashkov // Izvestija Tavricheskoy uchionoj arhivnoj komissii (ITUAK). — Simferopol' : Tipogr. Tavrich. gubern. pravlenija, 1887–1889. — № № 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8.
8. Lashkov F. F. Istoricheskij oчерk Krymsko-tatarskogo zemlevladieniya / F. F. Lashkov // Izvestija Tavricheskoy uchionoj arhivnoj komissii (ITUAK). — Simferopol' : Tipogr. Tavrich. gubern. pravlenija, 1894–1897. — № № 21; 22; 23; 24; 25.
9. Memetov A. M. Leksikologija krymskotatarskogo jazyka : uceb. posobie / A. M. Memetov. — Simferopol' : Krymchpedgiz, 2000. — 228 s.
10. Memetov A. M. Istochniki formirovaniya leksiki krymskotatarskogo jazyka / A. M. Memetov. — Tashkent : Fan, 1988. — 110 s.
11. Memetova Je. Sh. K'yrymtatar tilinin' uslubieti / Je. Sh. Memetova. — Simferopol' : Krymchpedgiz, 2001. — 144 s.
12. Musaev K. M. Leksika tiurkskih jazykov v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii. Zapadnokypchaks-kaja gruppa / K. M. Musaev. — M. : Nauka, 1975. — 357 s.
13. Rustemov O. D. Vnutrenniaja stilistika bahchisarajskih sidzhilej / O. D. Rustemov // Skhodoznavstvo / NAN Ukrainy; In-t Skhodoznavstva im. A. Ju. Kryms'kogo. — K., 2013. — № 64. — S. 108–116.
14. Rustemov O. D. Istochniki po izucheniju stanovleniya oficial'no-delovogo stilia krymskotatarskogo jazyka epokhi Krymskogo Khanstva / O. D. Rustemov // Uchionye zapiski TNU im. V. I. Vernadskogo. Ser. Filologija. — Simferopol', 2013. — T. 26 (65). — № 2. — S. 232–238.
15. Rustemov O. D. Krymskie sidzhili XVII–XVIII v.v. : zhanrovaja struktura juridicheskogo dokumenta «hukm» / O. D. Rustemov // Vestnik SPbGU. — Ser. 13 : Vostokovedenie. Afrikanistika. — SPb., 2015. — Vyp. 1 (mart). — S. 55–63.
16. Rustemov O. D. Slovesnye portrety i opisanija liudej v krymskih sudebnyh knigah XVII–XVIII v.v. / O. D. Rustemov // Zolotoordynskoe obozrenie : nauchnyj zhurnal. — Kazan', 2015. — № 2. — S. 37–42.
17. Rustemov O. D. Jazykovye paralleli russkogo i krymskotatarskogo delovogo pis'ma v juridicheskikh dokumentah XVI–XVII v.v. / O. D. Rustemov // Vostok. Oriens / RAN; In-t Vostokovedeniya. — SPb., 2015. — № 4. — S. 168–175.
18. Sevortian Je. V. Krymsko-tatarskij jazyk / Je. V. Sevortjan // Jazyki narodov SSSR : v 5 t. — M. : Nauka, 1966. — T. 2. — S. 234–259.
19. Turan A. N. Sudebnye reestry Krymskogo Khanstva (posle ih obnaruzheniya) / Ahmet Nezih Turan // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. — Simferopol', 2002. — № 30. — C. 90–93.

20. *Usmanov M. A.* Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI v.v. / M. A. Usmanov. — Kazan' : Izd-vo KazGU, 1979. — 317 s.
21. *Choban-zade B.* K'rymtatar il'mij sarfy : Nauchnaja grammatika krymskotatarskogo jazyka. Transliteracija s arabskoj grafiki izdanija 1925 g. / Bekir Choban-zade. — Simferopol' : Dolia, 2003. — 240 s.
22. *Bıyık Ö.* Kırım'ın İdari ve Sosyo-Ekonomik Tarihi / Ömer Bıyık. — İstanbul : Ötüken Neşriyat, 2014. — 300 s.
23. *Çobanzade B.* Leningratta Qırım hatireleri : Oquv işleri (وقوا حیرلشیه) / Bekir Çobanzade // İçtimai-siyasiy ve terbiyevi aylıq jurnal. Qırım Maarif Qomissarlığı neşiri. Bağçasaray Hüner ve Sanayî Mektebi basmahanesi. Ağustos-Sentyabr, 1925. — Numara 4–5. — S. 14–19.
24. *Cihan A.* Kırım Kadı Sicilleri / Ahmet Cihan, Fehmi Yılmaz // İslam Araştırmaları dergisi. — Üsküdar, 2004. — Sayı 11. — S. 131–176.
25. *Demir A.* Türk Hukuk Tarihi / Abdullah Demir. — İstanbul : Yitik Hazine Yayınları, 2011. — 256 s.
26. *İpsirli M.* Kazaker / Mehmet İpsirli // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Araştırmaları (TDVİA). — Ankara, 2002. — Cilt 25. — S. 140–143.
27. *Kavak N.* Kırım Hanlığı Şer'iyye Sicillerinde Yer alan Avariz ve Para Vakıfları Üzerine / Nuri Kavak // Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — № 10 (1). — S. 273–287.
28. *Özdem Z.* Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. yüzyıl sonlardan 18. yüzyıl ortalarına kadar) / Zeynep Özdem. — Ankara, 2010. — 197 s.
29. *Turan A. N.* Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar / Ahmet Nezih Turan // Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi. — İstanbul, 2003. — № 9 (Güz). — S. 1–16.
30. *Ügüz M.* 'Hüccet' / Mustafa Ügüz, Ahmet Akgündüz // İslâm Ansiklopedisi. — Üsküdar : İSAM. — Cilt 18. — S. 446–450.

Лист 79 (вверху справа нумерация — 76) (на самом деле лист 16, если считать за начало обложку тома справа, а не слева) 1-го тома крымских сиджией. В статье представлен перевод текста, расположенного на левом развороте (странице) 1-й сверху

РУСТЕМОВ Олег Діляверович,

кандидат філологічних наук, доцент факультету соціальних і гуманітарних наук Ардаганського університету; Кампус Єнісей, курорт Чамличатак, м. Ардаган, 75000, Туреччина;
тел.: +9 (0553)1821607; e-mail: biblos@ukr.net

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЛІНГВОКУЛЬТУРНОГО АНАЛІЗУ СУДОВИХ КНИГ КРИМСЬКОГО ХАНСТВА XVII–XVIII ст.

Анотація. Статтю присвячено проблемам вивчення та перекладу пам'яток кримськотатарської писемності XVII–XVIII ст.ст. — судових книг Бахчисарая, Карасубазара і ряду інших округів Кримського Ханства. Докладним чином представлено історію виявлення й дослідження зазначених документів, перших спроб прочитання та перекладу цих книг. Увагу зосереджено на не вивчених раніше мовних особливостях кримських судових реєстрів того часу. Уточнюються деякі аспекти проблем, пов'язаних з низкою неточностей і недоробок, допущених у попередніх дослідженнях зазначених рукописів. Однією з центральних проблем лінгвістичного вивчення збірників кримських судових рішень є проблема ідентифікації й опису мови стародавніх текстів. У даній статті представлено результати деяких спостережень автора, які визначають загальний напрямок філологічних досліджень пам'яток ділового письма Криму епохи Ханства, поставлено завдання подальшого їх вивчення.

Ключові слова: судові книги XVII–XVIII століть, кримськотатарська мова, переклад, сіджіль, офіційно-діловий стиль, Кримське Ханство, Шаріат, кадіаскер.

Oleg D. RUSTEMOV,

Candidate of Philology (Ph.D), associate professor, Faculty of Humanities and Social Sciences of Ardahan University; Campus Yenisei, Chamlichatak resort city, Ardahan, 75000, Turkey [Ardahan Üniversitesi Yenisey Kampüsü, Çamlıçatak Mevkii, Ardahan, 75000, İnsani Bilimler ve Edebiyat Fakültesi, Türkiye; e-mail: biblos@ukr.net; phone: +9 (0553) 1821607

CURRENT ISSUES OF LINGUAL AND CULTURAL ANALYSIS OF JUDICIAL CRIMEAN KHANATE BOOKS OF XVII–XVIII c.

Summary. This article is devoted to the problems of research and translation of the Crimean Tatar manuscripts — judicial books of XVII–XVIII c.c. from Bakhchisaray, Karasubazar and some other districts of the Crimean Khanate. The history of detection and studying of these documents, and the first attempts to read and translate these books are presented here in detail. The attention is drawn to yet unstudied lingual and cultural peculiarities of the Crimean judicial registries of XVII–XVIII c.c. The article clarifies some aspects of the problems which were conditioned by a number of inaccuracies and mistakes that were made in previous studies of these manuscripts. One of the central problems of linguistic study of the Crimean medieval judicial texts is the problem of identifying and describing the language of ancient texts. The results of some observations, which determine the general direction of philological investigations of the Crimean Tatar judicial manuscripts of the Khanate era are also presented in this article as well as the tasks for their further studying.

Key words: judicial manuscripts of XVII–XVIII centuries, the Crimean Tatar language, translation, sidzhil, official-business style, the Crimean Khanate, Sharia, kadiasker.

Статтю отримано 7.10.2015 р.